

"Суверенная демократия": политический факт как теоретическая предметность

Автор: Л. В. ПОЛЯКОВ

В российском политическом языке термин "суверенная демократия" появился совсем недавно и сразу же оказался в центре достаточно жесткой полемики. Диапазон аргументов, выдвигаемых против него, предельно широк: от указания на принципиальную несочетаемость образовавших его понятий до изобличения злокозненного коварства его изобретателей. Разумеется, в абсолютном большинстве случаев мы имеем дело не с научной дискуссией, а с политической борьбой, ведущейся в формате теоретико-идеологической полемики. Таким образом, перед нами несомненный факт - политическая борьба, объектом которой выступает вполне определенный термин. Именно этот факт в его вполне определенной объективности и может стать предметом научного изучения, в ходе которого встает двойная исследовательская задача: проверить этот термин на теоретическую корректность и выявить его практически-политические смыслы.

Происхождение термина: логика смысловых коннотаций

С абсолютной точностью зафиксировать момент рождения исследуемого термина едва ли возможно. Однако известна точная дата и точное место его введения в международный научно-политический оборот. Это произошло 1 апреля 2004 г. в Университете Ольстер (Дерри). Тогдашний председатель Комиссии Евросоюза "Европа и мир" Р. Проди (нынешний итальянский премьер) в своей речи сказал, в том числе и следующее: "Кант вероятно бы порадовался, увидав то, что мы создали в Европейском Союзе - форму наднациональной демократии в виде Союза суверенных государств, входящих в него в качестве членов. В некоторых отношениях наш Союз есть воплощение сущности кантовской федерации суверенных демократий (*the essence of Kant's federation of sovereign democracies*)".

Всякий, кто хорошо знаком с европейской политической философией вообще и с Кантом как политическим философом в частности, легко простит Проди небольшую натяжку. Кант четко разделял понятия "демократия" и "республика", относя первое к формам государства, а второе - к формам правления. И при этом подчеркивал: "Из трех форм государства *демократия* в собственном смысле слова неизбежно есть *деспотизм*, так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают об одном и во всяком случае против одного (который, следовательно, не согласен), стало быть решают все, которые тем не менее не все, - это противоречие общей воли с самой собой и со свободой" [Кант, 1994, с. 381].

П о л я к о в Леонид Владимирович - доктор философских наук, заведующий кафедрой общей политологии факультета прикладной политологии Государственного университета - Высшей школы экономики.

Нетрудно увидеть, что в этом отрывке Кант формулирует свой главный критический аргумент против теории общественного договора Ж. - Ж. Руссо. И ему важно было вслед за Руссо брать "демократию" именно в собственном смысле, то есть как прямое самоуправление народа во всех делах. То, что такое самоуправление реализуется в революции, Кант (в отличие от Руссо) имел возможность видеть на примере Франции с 1789 г. И потому в своей статье 1795 г. он в строго терминологическом смысле предусматривал федерацию не "суверенных демократий", а именно "республик". То есть государств, в которых число лиц, обладающих (государственной) властью, минимально, зато широко развита система представительства.

Однако в существе своем интерпретация Проди не противоречит центральной идее Канта, предусматривавшего союз именно *суверенных* республик. Союз, в котором даже самый слабый будет защищен от посягательств со стороны сильнейшего законом, равно признаваемым всеми (и подкрепляемым силой союза как целого). Если же учесть, что в XX в. демократия и представительство понимаются практически как тождество, то о терминологическом пуризме можно и вовсе забыть и вести отсчет бытования термина "суверенная демократия" от 1 апреля 2004 г. с подразумеваемым смысловым отсылком в 1795 г.

Через год с небольшим в одном из ключевых политических текстов России, а именно в "Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ", появляется тема, вскоре обозначенная термином, введенным Проди. Прозвучала она в следующей аранжировке: "Россия - это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа. Она сама встала на этот путь и, соблюдая все общепринятые демократические нормы, сама будет решать, каким образом - с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики - можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии. Как суверенная страна Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути".

В. Путин, четко обозначив тему - соединение демократии с суверенитетом, - не использовал самоочевидный термин "суверенная демократия". Как выяснилось позже, предложенное его помощником В. Сурковым словосочетание показалось главе государства (юристу по образованию) не совсем привычным. Зато истолкователям смысла Послания-2005 так не показалось. И вот один из них буквально вслед посланию уже пишет: "*Суверенная (и справедливая) демократия* России - вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, прямо не выведенная в послании, но фактически все его пронизывающая" [Третьяков, 2005].

В отличие от В. Третьякова, бывший лидер российского консервативного истеблишмента в лице (ныне покойной) партии "Наш дом - Россия", а в последнее время один из претендентов на роль лидера "объединенных демократов" В. Рыжков напечатал текст, в котором "суверенная демократия" была объявлена "неконституционным принципом". Причиной для такого вердикта стало то, что неразрывное единство "двух понятий и ценностных рядов" авторы термина "противопоставили и развели в разные стороны". А согласно Рыжкову, "*суверенитет... это и есть демократия*" [Рыжков, 2005].

С тех пор в среде перманентно "объединяющихся демократов" принято смотреть на терминологическую инновацию Суркова как на коварное изобретение "власти", пытающейся найти благопристойное терминологическое "прикрытие" политическому режиму, установившемуся в России в период второго президентского срока Путина. Однако на вершинах самой "власти" неожиданно обнаружилось, как выразился бы покойный А. Синявский, "стилистическое разногласие". И заявил о нем не кто-нибудь, а первый вице-премьер (в недавнем прошлом - руководитель администрации Президента РФ) Д. Медведев.

В интервью журналу "Эксперт" (24 июля 2006 г.) он заявил, что неологизму "суверенная демократия" он предпочитает термины - "просто демократия" или "подлинная демократия". Объяснил он свои предпочтения тем, что как юрист по образованию привык рассматривать в разных плоскостях понятия "демократия" и "суверенитет". Демократия - это "форма государственного устройства, форма правления и политический

режим". Суверенитет же - "верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость вне пределов государства". Кроме того, Медведев в этом термине почувствовал "странный привкус. Это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии. И сразу же задается определенный угол зрения. Особенно в комментариях некоторых наших партнеров. *Демократия и государственный суверенитет должны быть вместе. Но одно не должно подавлять другое*".

Таким образом, выстроилась неожиданная коллизия. Один из лидеров "оппозиции" в термине "суверенная демократия" усмотрел посягательство на неразрывное тождество составляющих его понятий. А один из лидеров "власти", наоборот - соединение понятий из разных сфер и даже "подавление" одного другим. Обе позиции мотивированы: оппозиционеру важно уличить "власть" в узурпации "народного" суверенитета, власти (в лице Медведева) - важно закрепить успех питерского саммита G-8 и не спугнуть "некоторых наших партнеров" намеками на нашу "нетрадиционную демократию". При этом оба поставили под сомнение теоретическую корректность критикуемого термина. Но насколько он уязвим с этой стороны?

В критике словосочетания "суверенная демократия" Рыжков привел справку из учебника, из которой явствовало, что про "суверенитет" все сказал еще Ш. Воден в XVI в., а потом в начале XX в. Г. Еллинек лишь разделил суверенитет на внешний и внутренний. И больше к сказанному ими добавить как будто нечего. По-видимому, жанр газетной статьи не позволил автору более обстоятельно рассмотреть проблему "суверенитета". А ведь она того вполне заслуживает, поскольку в ее обсуждение вовлечены люди совсем другого калибра: Т. Гоббс и Ж. - Ж. Руссо, Б. Констан и Ф. Гизо, и конечно же, К. Шмитт. Речь вовсе не о состязании эрудитов - знатоков европейской политической философии. Дело в том, что во вполне актуальной политической полемике скрыты глубинные смыслы, полученные в качестве теоретических выводов из европейской политической практики. И выясняется, что, ведя в сегодняшней России спор о сопряжении "суверенитета" и "демократии", эти смыслы игнорировать невозможно без ущерба для собственной теоретической и политической позиции.

Вот, к примеру, Рыжков в цитированной статье требовал "решительно отвергнуть широко распространенное в обществе и даже среди некоторых специалистов смешение государственного суверенитета и государственной власти". А почему же это "смешение" так распространено и вообще - откуда оно взялось? И на каком основании его нужно "решительно отвергнуть"? Рыжков *как бы* раскавычил пункт 1, ст. 3 Конституции РФ, утверждая, что "единственным носителем суверенитета и источником власти в стране является многонациональный народ России". Доверчивый читатель удовлетворяется констатацией автора - "согласно Конституции". А зря. Ибо в Конституции записано: "*Носителем суверенитета и единственным источником власти*" и т.д. И от такой "перемены мест слагаемых" общая сумма меняется очень основательно.

Если "единственный носитель" суверенитета - "народ", то с "властью" все понятно. Если же он просто - "носитель", но "единственный источник" власти, то возможны варианты. Один из них и состоит в отождествлении "суверена" и "власти". То есть власть, не являясь источником самой себя, может являться "носителем" суверенитета. Конституция это не утверждает, но и не исключает, потому что это не трактат по политической философии, а текст, впитавший в себя практический и теоретический опыт построения как европейской, так и отечественной государственности. А в этом опыте заложена ключевая коллизия Гоббса и Руссо, которая отражает логику становления новоевропейской демократии.

В середине XVII в. для Гоббса, пережившего величайшую английскую Смуту и общеевропейскую Тридцатилетнюю войну, гарантом государственности и, следовательно, гражданского мира являлся суверен = власть, о создании которого (в виде монархии или парламента - не важно) "договорились" люди, выходящие из состояния "войны всех против всех". В середине XVIII в. для Руссо ключевым вопросом становится не гарантия государственности (Вестфальская система уже более ста лет работает), а гарантия свободы. Потому-то его "общественный договор" - не о "власти=суверене", а о способе со-

здания "народа=суверена", входя в который каждый человек становится даже более свободным, чем был в "естественном состоянии".

Вот эта теоретическая (но выросшая из реальной европейской политической практики) коллизия и отражена как в нашей Конституции, так и в новейшей российской политической истории. И потому требование "решительно отвергнуть" отождествление "власти" и "суверена" есть лишь выражение одной из теоретических и, разумеется, идеологических позиций, а именно - позиции Руссо. В то время как равно допустима и для современной России вполне актуальна позиция Гоббса. Если учесть, что российская государственность еще только вырастает на обломках СССР, что холодная гражданская война еще далеко не завершена, то именно гоббсовское отождествление "суверена" с высшей властью, воплощающей в себе национальное единство (государство-Левиафан), в пору России значительно больше, нежели руссоистский пафос народа-суверена.

Как по писаному: Карл Шмитт и логика российской суверенизации

Исследователями давно замечено, что политическая атмосфера "веймарской Германии" - страны, не проигравшей в войне ("Компьенское перемирие" 11 ноября 1918 г. лишь *post factum* было превращено англо-американо-французской коалицией в капитуляцию), - в чем-то сродни той, что воцарилась в России в 1992 - 1993 гг. На тему этой аналогии опубликовано много статей и книг - в основном, в связи с перспективой победы "русского фашизма" и прихода "русского Гитлера" (см., например, [Янов, 1995]). До сих пор нас "чаша сия", слава Богу, миновала¹.

Но если так, то при чем же здесь К. Шмитт? Ведь именно этого политического философа принято связывать если не напрямую с нацификацией Германии, то уж, несомненно, с дискредитацией либеральных принципов как фундамента Веймарской республики. На это недоумение я могу ответить лишь ссылкой на иронию истории. То есть практически так же, как сам Шмитт объяснял судьбу гоббсовского учения о Левиафане. "Существенная, опередившая свой век политическая мысль Гоббса, - писал он, - была воплощена не в Англии и не английским народом, а в странах европейского континента. Там она нашла свое выражение во французском и прусском государствах, которые во многих отношениях отличаются классическим совершенством. Английский народ сделал выбор в пользу другой разновидности государства" [Шмитт, 2006, с. 229].

Рискну утверждать, что политическую мысль Шмитта постигла аналогичная судьба. Во всяком случае, в той ее части, которая посвящена трактовке понятия "суверенитет". Злободневность его в Германии середины 1920-х гг. самоочевидна. И Шмитт находит возможность до крайности актуализировать его содержательность, утверждая: "Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении" [Шмитт, 2000, с. 15].

Читая это утверждение Шмитта, важно осознавать, что оно вовсе не есть апология "чрезвычайщины". Это - свернутая формула той напряженнейшей дилеммы, которая проработана как в европейской истории, так и европейской политической философии XVIII-XIX вв. А именно - дилеммы репрезентации суверенной воли либо в "индивидуальном теле" монарха, либо в "коллективном теле" народа². Основное напряжение фокусируется в праве носителя (репрезентанта) суверенитета нарушать установленный волей суверена порядок. Если в традиции, идущей от Ж. Бодэна, суверенность есть некое само по себе существующее свойство, которое лишь распространяется на конкретные государственные формы, то Шмитт вводит радикальную новацию. Суверенность не ак-

¹ Попытки З. Бжезинского и Г. Каспарова уподобить В. Путина, соответственно, Б. Муссолини и А. Гитлеру представляют собой лишь характерные эпизоды внешнеполитической и внутривнутриполитической борьбы вокруг России и в самой России. Как теоретические конструкты эти схемы не выдерживают критической проверки.

² Тщательный анализ проблематики этой репрезентации см. в [Ямпольский, 2004], особенно в главе "Составное тело монарха: народный суверенитет".

туализируется, а творится лишь в тот момент, когда некто (*de facto* суверен) упраздняет юрисдикцию основного закона и упраздняет данное сообщество как государственное целое.

Чтобы конкретизировать эту технологию творения суверенности, интеллектуальный "могильщик" "веймарской Германии" разработал ключевое понятие "суверенная диктатура", с помощью которого он теоретически обосновал легальную возможность и практическую необходимость отмены Веймарской конституции. Отличая ее от "комиссарской диктатуры", учреждаемой для изменения наличной конституции, он писал: "Суверенная же диктатура весь существующий порядок рассматривает как состояние, которое должно быть устранено ее акцией. Она не *приостанавливает* действующую конституцию в силу основанного на ней и, стало быть, конституционного права, а стремится достичь состояния, которое позволило бы ввести такую конституцию, которую она считает истинной конституцией" [Шмитт, 2005, с. 158].

Разработанная Шмиттом стратегия суверенизации обычно накладывается на историю установления национал-социалистической диктатуры. Однако именовать эту диктатуру "суверенной" в шмиттовском смысле невозможно именно потому, что она пришла через строго соблюдавшиеся процедуры парламентской демократии! Гитлер был назначен канцлером Германии как лидер партии относительного большинства. А затем, собрав на выборах действительное большинство, он, опираясь на парламентское большинство, устранил и сам парламентаризм.

А вот в России как раз и осуществилась разработанная Шмиттом логика суверенизации. Конфликт между Съездом народных депутатов РФ и президентом Б. Ельциным в сентябре-октябре 1993 г. был разыгран в точности по шмиттовской партитуре. Съезд (реально - чуть более половины депутатов от общего числа 1068) настаивал на неприкосновенности той конституции, которая досталась России от РСФСР с многочисленными поправками, внесенными самими депутатами. А президент взял на себя право эту конституцию отменить с тем, чтобы заменить ее Основным законом, разработанным Конституционным совещанием летом 1993 г. При этом Ельцин действовал как суверен, заимствующий свою суверенность у народа-суверена, которому предоставлялось - лишь 12 декабря! - право новую конституцию утвердить.

Ситуацию между 20 сентября (дата выхода знаменитого ельцинского Указа N 1400) и 12 декабря, определившую судьбу России, обычно именуют "расстрелом парламента". Это - типичный случай "клипового мышления", ставшего доминирующим в эпоху господства медиасреды вообще и телевидения в особенности. Знаменитые кадры стрельбы кумулятивными снарядами из танковых орудий по "Белому дому" 4 октября 1993 г. превратились в "файл" исторической памяти народа. И "белодомовцы", и даже их противники вновь и вновь повторяют выражение "расстрел парламента", неизбежно дискредитирующее новейшую российскую демократию в самом ее начале, вмещающее ей "политический первородный грех", от которого она по определению никогда не сможет освободиться. И это ее идеологические противники уже не раз эффективно использовали!

Между тем дело и фактически, и теоретически обстоит совершенно иначе. Факт заключается в том, что ни Съезд народных депутатов РФ, ни Верховный Совет РФ парламентом в точном смысле слова не являлись. Выборность какого-либо органа - еще не решающий признак его парламентской природы. Парламент - лишь институт законодательной власти в системе разделения властей. Съезд же обладал правом "принять к рассмотрению и решить любой вопрос" (ст. 104 поправленной Съездом Конституции РСФСР), то есть абсолютной властью, которая и предполагалась за ним большевиками, использовавшими этот институт для легализации своего узурпаторства 7 ноября 1917 г.

Теоретически же - если мы действительно хотим понять, что именно сделал тогда Ельцин, - это был классический случай введения "суверенной диктатуры", исследованной еще Шмиттом. Это важно зафиксировать, поскольку именно это латентно присутствовавшее в самом начале современной российской демократии понятие открывает возможность адекватно истолковывать ключевые термины путинского президентства.

Во-первых, "диктатуру закона", ставшую лейтмотивом первого президентского срока. Во-вторых, "суверенную демократию", определившую специфику срока второго.

Эта никем сознательно не сочинявшаяся, но тем не менее аутентично гегелевская понятийная триада (с четко различимыми моментами "отрицания отрицания") позволяет не только выделить самостоятельные фазы нашей новейшей политической эволюции. Но и в каждой фазе увидеть прагматический резон. Так, "диктатура закона" реализовалась в жестком требовании: "Соблюдайте собственную конституцию!". Что является условием некатастрофического (нереволуционного) развития на собственной основе, то есть "западного пути" или пути "консервативной модернизации".

И тогда-то "суверенная демократия" возникает не только в логике "диалектического снятия", но и как *изоморфно* "западный", но не симулятивно "западнический" вариант развития России. В последнем случае требующий просто "демократии" либерал предполагает, что Россия в системе "Запад" должна признать лидерство США и встроиться в однополярный мир. Либерал же консервативный (то есть либерал путинского типа) видит Россию не как часть "Запада", а как одну из динамических сил глобального мира, в котором конкурируют "Запад" и "Восток", "Север" и "Юг" и который неискоренимо многополярен.

Суверенная демократия и *sovereign democracy* - "трудности перевода"

Произведенное из собственной логики политического развития понятие "суверенная демократия" обладает некоторыми смысловыми оттенками, которых нет в его английском эквиваленте, введенном в оборот Проди³. Поэтому в 2006 г. мы наблюдали уникальную идейно-политическую дуэль "на словах" между руководством России и США.

"Первый выстрел" принадлежал заместителю руководителя администрации Президента РФ Суркову. В феврале 2006 г. он, выступая перед активом партии Единая Россия, заявил: "Россия, на мой взгляд, станет суверенной демократией. То есть выйдет на путь устойчивого развития. Будет экономически процветающей, политически стабильной, высококультурной. Будет иметь доступ к рычагам влияния на мировую политику. Будет свободной нацией, совместно с другими свободными нациями формирующей справедливый миропорядок" (<http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>). Публикаторы этой речи на Интернет-сайте Единой России озаглавили ее с помощью ключевого тезиса, сформулированного Сурковым: "суверенитет - политический синоним конкурентоспособности". В марте того же года президент США представил новую редакцию Стратегии национальной безопасности. В этом документе присутствуют все компоненты термина "суверенная демократия". Но, как и в Послании-2005 президента Путина, сам термин отсутствует. Вместо него в качестве условия обеспечения национальной безопасности США обозначена "эффективная демократия". Будучи основанной на "эффективном экономическом развитии", такая демократия, по Дж. Бушу, должна помочь странам, "освободившимся от тирании", построить "ответственный суверенитет" вместо "постоянной зависимости".

В самом общем виде этот тезис обозначает стремление США создать по всему миру на месте прежних "тиранических режимов" (а к ним относятся и Афганистан, и Ирак, и постсоветские, и посткоммунистические страны) экономически развитые и политически независимые государства. Наличие таких "эффективных демократий" с "ответственным суверенитетом" рассматривается США как универсальная гарантия безопасности для любых соседей. В этом ключе 4 мая 2006 г. выступил вице-президент США Р. Чейни на конференции в Вильнюсе, организованной с целью создания своеобразного "демократического альянса" из стран, окружающих Россию.

Уговаривая Россию не усматривать угрозы в тех формах "демократизации", которые были применены в Грузии и Украине в 2003 - 2004 гг., Чейни заявил: "Перспектива, ко-

³ Более точно говорить об "англоязычном эквиваленте", поскольку в собственно английской политической практике словосочетание "суверенная демократия" вообще бессмысленно. В Англии еще со времен Дж. Локка *sovereign* - это парламент.

торую мы утверждаем сегодня, это - сообщество суверенных демократий (*sovereign democracies*), которые преодолевают старинные раздоры, которые чтят многочисленные культурно-исторические связи, объединяющие нас, которые привержены свободе торговли, уважают друг друга в качестве великих наций и соединяют усилия в борьбе за столетие мира" (http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/05/20060504_1.html). Подтекст понятен: "суверенные демократии" - это бывшие сателлиты и республики СССР, которые должны преодолеть "постоянную зависимость" от России. К выигрышу как США, так и самой России. Осталось, оговорился Чейни, убедить в этом саму Россию.

Таким образом, к саммиту G-8 в июле 2006 г. оказался снят вопрос о беспредметности термина "суверенная демократия". Сам факт его употребления (прямого и косвенного) в политических текстах первых лиц России и США создал эту предметность. Или, если угодно, зафиксировал наличие неких интересов, обозначаемых одним и тем же термином, но скорее конфронтирующих, нежели общих. В сентябре 2006 г. эта проработка ключевого термина российского и международного политического дискурса вышла на новый уровень. Президент Буш предъявил нации и миру ключевой тезис долгосрочной стратегии в противостоянии терроризму. Заключается он в том, что для конечной победы над международным терроризмом необходимо создание "эффективных демократий", обладающих "эффективным суверенитетом".

Прежде чем приступить к рассмотрению этого тезиса, отмечу сразу: американцы констатируют очевидный (для них, по крайней мере) факт - демократии могут быть и бывают неэффективными. От этого они не перестают быть демократиями. Просто перед лицом определенного вызова они оказываются уязвимыми, а потому к ним можно и нужно предъявлять определенные требования, выполнение которых в перспективе избавит мир от тотальной террористической войны. Цель этой войны, по Бушу, - установить "тоталитаризм, следующий по пути, проложенному фашизмом и нацизмом".

Нашим блюстителям "чистоты жанра", стремящимся терминологически быть святее самого "демократического папы", Буш преподал весьма поучительный урок. Вместо того, чтобы изображать Запад в качестве "демократического стандарта" и призывать всех остальных на него "равняться", новая американская антитеррористическая стратегия, по сути, ставит на одну доску такие страны, как Ирак и Великобритания. Современная демократия, утверждается в ней, не имеет иммунитета против терроризма. Партизаны-смертники Аль-Каиды взрывают автомобили в Багдаде, а мусульмане - граждане Великобритании в третьем поколении взрывают лондонское метро. И потому в вопросе о судьбах демократии актуальны не филологические тонкости и теоретические абстракции, а точная передача в кратких формулах основных сталкивающихся смыслов.

Сурков в уже цитированном докладе заявил о том, что по мере продвижения к демократии идейная борьба будет усиливаться. Тогда многим у нас показалась всего лишь забавной аналогия со сталинским тезисом о том, что по мере продвижения к социализму в СССР классовая борьба будет обостряться. Теперь прагматичные американцы прямо заявляют, что их национальная антитеррористическая стратегия исходит из ключевого положения: "Это - битва идей".

Как именно должна эта битва вестись, что нужно сделать, чтобы она была эффективной - разговор особый. А серьезный разбор американской антитеррористической стратегии - дело не одной статьи. Здесь же хотелось бы обратить внимание на то, с какой продуманностью выстроен сам текст, какими смыслами он заряжен, и как терминологически виртуозно поданы эти смыслы. Ведь очевидно, что в борьбе с терроризмом как битве идей сам опубликованный текст национальной стратегии выступает в качестве едва ли не главного оружия.

Один из важнейших смыслов - умение современных демократий "осуществлять эффективный суверенитет и утверждать порядок внутри собственных границ". На первый взгляд, это всего лишь дословный повтор того, что было сказано еще в Стратегии национальной безопасности США. Но эта фраза, повторенная в новом контексте - в контексте идейной битвы с "экстремистской идеологией террористов", - неизбежно прочитывается по-новому.

Да, по-прежнему важны все классические атрибуты демократического режима - выборы, основные права человека, институты гражданского общества и т.д. Они, как выражаются авторы стратегии, составляют такое "противоядие" против терроризма, которое обязательно сработает в отдаленном будущем. Но именно для того, чтобы у демократии в столкновении с терроризмом сохранялась сама возможность будущего, она уже сегодня, сейчас должна противопоставить ему "эффективный суверенитет". То есть, если кратко - демократия должна быть суверенной (<http://www.whitehouse.gov/nsc/nsct/2006/sectionV.html#longterm>). Вообще-то и к России, подвергшейся атаке международного терроризма еще в 1999 г. (взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске), этот аспект "суверенной демократии" вполне применим. Но для президента Путина более актуальными представляются смыслы, связанные с глобальной конкурентоспособностью страны, со справедливостью самой глобальной конкуренции. О чем он и дал понять на встрече с членами Международного дискуссионного клуба "Валдай" в сентябре 2006 г.: "Суверенитет - это позиционирование страны вовне, в мире, это возможность осуществлять свою внутреннюю и внешнюю политику самостоятельно, без вмешательства извне.

Демократия - это способ организации общества и государства. Это целиком направлено вовнутрь страны. Поэтому *это разные вещи: суверенитет и демократия*. Вместе с тем в современном глобальном мире, в глобализирующемся мире, где границы все больше и больше стираются, мы со всей очевидностью видим и наблюдаем, что теми странами, которые продвинулись, скажем, в решении своих экономических проблем, теми странами, которые имеют фактическую монополию на мировые средства массовой информации, а массмедиа крайне важны в современном мире вообще, в политике, в экономике - где угодно, с учетом прозрачности национальных границ, к сожалению, все эти современные средства глобализации используются часто в национальных интересах для того, чтобы обеспечить себе конкурентные преимущества в мировой экономике и в мировой политике. И это очевидный факт. Для нас, во всяком случае" (http://krenilin.ru/appears/2006/09/09/1930_type63376type63381_111114.shtml). При ясном понимании именно такой реальности открывается возможность выйти за пределы лежащей на поверхности антиномии "Рыжков-Медведев" и выявить проблему, решение которой предполагает не только (и не столько) точную терминологию, сколько адекватную государственную стратегию. Дело в том, что в постялтинской, но одновременно все еще "вестфальской" мировой системе сталкиваются два равноценных тренда: *давнее* (по итогам Первой мировой войны) *право* на самоопределение народов (суверенитет) и *недавнее требование* к любым народам самоопределяться не иначе, как "демократически".

И получается вот что: "С одной стороны, демократия - это сегодня трансграничная ценность, главные носители и пропагандисты которой привыкли ломать об коленку чужие суверенитеты в целях "демократизации": именно поэтому подразумевает открытость миру, ее крайне сложно совмещать с укреплением национальных границ. С другой стороны, суверенитет вовсе не предполагает следование мировым стандартам демократических процедур. В этом главное противоречие" [Чадаев, 2006]. И оно подводит к следующему вопросу: если может быть недемократический суверенитет, то возможно ли существование "несуверенных демократий"?

Факт бесспорен - выживет ли понятие?

Для американцев, обозначивших долгосрочную стратегию войны с терроризмом, важно акцентировать проблему "неэффективных демократий". Именно они становятся плацдармом для выращивания и поддержки террористических сетей исламского экстремизма. Для России же, акцентирующей тему собственной конкурентоспособности, сюжет с "несуверенными демократиями" оказывается куда более значимым. Сам этот феномен - прямое следствие распада СССР и социалистического лагеря в це-

лом. Бывшие сателлиты Советского Союза и составлявшие его "республики" в пост-ялтинскую эпоху оказались перед необходимостью смены лояльности. Так, в странах Балтии энтузиазм смены "хозяина" выразился в повальном избрании президентами граждан США и Канады. Кое-где пришлось "поднажать" - с помощью "цветных революций". Цепочка "Грузия-Украина-Молдова" тут особенно характерна.

К числу "несуверенных демократий" можно отнести и бывшие центрально-европейские "народные демократии", которые США противопоставляют "старым демократиям". Эти последние в основном (за исключением Великобритании) ориентированы на собственное "сообщество суверенных демократий", где лояльность каждого участника передается не персонально какому-то государству (скажем, ФРГ или Франции), а союзу как таковому. Именно этот изначально кантовский смысл имел в виду Проди. Но некоторые "новые демократии", даже становясь членами Евросоюза, в первую очередь и главным образом присягают на верность США. Получая в обмен на это прощение долгов (Польша) и статус "демократий".

Бывшие советские республики и социалистические страны схожи в том, что вытеснение их культурного своеобразия импортированными образцами массовой культуры (Голливуд, Мадонна и т.п.) также работает на десоверенизацию. Экспансия чужих культурных стандартов (технология *soft power*, описанная в [Най, 2006]), дает вполне ощутимый политический эффект.

Этот феномен имеет отношение к России не только потому, что она теряет тех, на чью лояльность привыкла долгое время полагаться. После крушения СССР на Россию была поставлена печать "глобального лузера" - страны, проигравшей "третью мировую", "холодную войну". Это открывало вполне реальную перспективу перехода не из "Третьего Рима" в "третий мир" (как любили шутить в 1990-х гг.), а в разряд "несуверенных" ("управляемых") демократий. Спасло лишь одно: Россия - единственная в мире страна, которая *самостоятельно* вышла из такого небывалого состояния, как "коммунизм". Крах августовского (1991 г.) путча продемонстрировал всему миру способность россиян самостоятельно распоряжаться своей судьбой. И именно поэтому наш российский "демократический транзит" не оказался повторением пути "управляемой демократии", по которому долго шли ФРГ и Япония после 1945 г.

Вот этот уникальный опыт вытягивания самих себя из болота по методу Мюнхгаузена и можно описать с помощью понятия "суверенная демократия". А признаком того, что понятие работает, то есть служит не просто легкозаменяемой "этикеткой", является именно его способность ухватывать несомненно имеющиеся проблемы и противоречия в живом процессе декоммунизации по-русски.

Во-первых, идентификация России как "суверенной демократии" раз и навсегда закрывает вопрос о "множественности" суверенитетов в федеративном государстве. Модная в 1990-е гг. формула "федерализм - территориальная форма демократии" фактически служила легитимацией ползучего сепаратизма, подталкивая страну на путь дезинтеграции с помощью механизма "договоров" между субъектами и Центром. Понятийное закрепление конституционного принципа неделимости российского суверенитета может трактоваться как прохождение *теоретической* "точки невозврата" на пути к нерушимой государственности⁴.

Во-вторых, понятие "суверенная демократия" выполняет важнейшую реабилитационную функцию, возвращая в контекст общественных дискуссий очевидно дискредитированное, но абсолютно базовое для России слово "демократия". На одной из дискуссий представителей всех значимых политических сил (партий парламентских и потенциаль-

⁴ В этом отношении есть смысл учитывать и глобальный резонанс нашей политической модели. Если "суверенная демократия" в России есть сильная президентская республика в федеративном государстве и если она обеспечивает возможность осуществления модернизации страны на *собственной* основе, то такая модель может оказаться востребованной государствами аналогичного нам класса. Прежде всего это страны БРИК, то есть кроме России - Бразилия, Индия и Китай.

но парламентских), проведенной в формате "круглого стола" "Российской газетой", Председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин напомнил: "Священное слово "демократия" можно извратить до такой степени, что в народе его будут употреблять не иначе как "дерьмократия". Но народный язык, язык улицы не возникает на пустом месте. Чтобы до такой степени произошло лингвистическое превращение, народ надо было очень сильно обидеть" (Российская газета. 2006. 6 сентября).

И наконец, в-третьих, важно выделить и проблему инструментальности. Понятия и термины политического языка ценны не сами по себе, а в той степени, в какой они включаются в прагматику и синтаксис действий власти. Причем включаются не "для служебного пользования", а в качестве паролей в самых демократических по своей сути процедурах - выборах. В октябре 2006 г. в программном заявлении накануне очередного съезда руководство партии парламентского большинства заявило: "Партия "Единая Россия" провозглашает стратегию качественного обновления страны как **суверенной демократии**". Если учесть, что следующие выборы в Государственную думу пройдут под знаком завершения президентства Путина, то выбор привлекательного "опознавательного знака" становится для единороссов едва ли не решающим аргументом в борьбе за электорат. Так что рассмотренному понятию предстоит пройти ключевой тест на выживаемость в электоральном цикле 2007 - 2008 гг.

Это стало окончательно ясно после прошедшего 2 декабря 2006 г. в Екатеринбурге седьмого съезда Единой России. Незадолго до него Сурков опубликовал статью, суммирующую его собственные размышления на тему "суверенной демократии", а также ключевые аргументы "за" и "против" этого концепта. Его ключевой тезис - "суверенная демократия" есть *универсальная форма* политического устройства нации в условиях глобализации. Россия не изобретает эту форму в виде особого пути, а лишь адаптирует ее к собственной специфике. И тогда, утверждает Сурков, "допустимо определить суверенную демократию как прообраз политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими" [Сурков, 2006, с. 102].

Именно такая трактовка весьма дискуссионного термина и была утверждена Единой Россией в качестве опорного понятия собственной идеологии и, по сути, долгосрочной (рассчитанной на 10 лет) программы [Россия...]. И это обозначает основную интригу очередных выборов в Государственную думу: сумеют ли "единороссы" на фоне завершающегося президентства Путина конвертировать идеологию "суверенной демократии" в равноценный электоральный ресурс?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кант И. Соч. Т. I. М., 1994.

Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск-Москва, 2006.

Россия, которую мы выбираем // (<http://www.edinros.ru/news.html?id=116990>).

Рыжков В. Россия и свобода: суверенитет и демократия // "Ведомости". 2005. 15 августа.

Сурков В. Национализация будущего. Параграфы *pro* суверенную демократию // Эксперт. 2006. N 43.

Третьяков В. О политической философии Владимира Путина // "Российская газета". 2005. 28 апреля.

Чадаев А. Путин. Его идеология. М., 2006.

Шмитт К. Диктатура. СПб., 2005.

Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. СПб., 2006.

Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.

Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. М., 2004.

Янов А. После Ельцина. "Веймарская Россия". М., 1995.